

Глава восьмая ПОД БУДАПЕШТОМ

1. Вот он, Будапешт!

Переправа бригады через Дунай оказалась непростой. Она была начата в первой половине дня 23-го октября, раньше установленного срока на несколько часов, однако завершилась в обрез, точно к 18-ти часам 24-го октября.

"Подвели" и дождь, и нехватка паромов. Кроме того, береговые сооружения для тяжелых и средних паромов на обоих берегах первоначально корпусными саперами были построены слабыми. Их не один раз ремонтировали.

Мы облегченно вздохнули, когда я доложил начальнику штаба корпуса:

- Переправа бригады закончена. Разрешите убыть.

- Успехов вам на марше. Жду своевременных донесений. После переправы бригада сосредоточилась вблизи города

Вршац, а танковый полк - возле железнодорожной станции Влайковец (оба пункта 70-50 км северо-восточнее Белграда). Эти места стали исходными для марша и следования по железной дороге.

Понесенные при штурме Белграда потери снизили укомплектованность бригады, но она сохранила боеспособность, так как имела в процентах к штату: личного состава - 75%, танков - 80%, артиллерии и минометов - 85%, автотехники - 85%.

Наибольшие потери понесли мотострелковые подразделения, что естественно при штурме города. Пришлось мотострелковые взводы сократить с четырех отделений по восемь человек до трех такой же численности, а расчеты станковых пулеметов уменьшить на два человека каждый.

Из Вршаца бригада совершала марш в течение ночи и дня. Она пересекла югославско-румынскую границу в Дзебеле, затем к востоку от Сегеда, в Ченадел-Маре - румыно-венгерскую границу, четвертую за вторую половину 1944 года, и к 18,5 часам 25 октября сосредоточилась на южной окраине поселка Серег, а 27 октября прибыл эшелон с танками, и сбор бригады завершился.

Остановлюсь на обстановке, в которой предстояло нам участвовать в дальнейших боевых действиях. Огромные потери на советско-германском фронте вынудили гитлеровское руководство затягивать войну в надежде, что обострятся противоречия в антифашистской коалиции, могущие привести к благоприятному для Германии окончанию войны. В проведении стратегии затягивания, в июне 1945-го года признался фельдмаршал Кейтель - начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии .

Этой стратегии способствовала пассивность англо-американских войск, которые к осени 1944 года вышли к западной границе Германии и прекратили наступление вплоть до января 1945 года, хотя обладали превосходством.

Стратегия затягивания распространялась лишь на советско-германский фронт и обуславливала прочную оборону жизненно важных направлений и районов. Таким районом для Германии стала Венгрия - единственная из сохранившихся союзников, экономическое и военно-стратегическое значение, которого с потерей других союзников возросло.

Теперь, как никогда ранее, германская военная промышленность опиралась на Венгрию: военные заводы в Чепеле, Дьере, сырье для алюминиевой промышленности, нефть Надьканижи. Венгрия оставалась и продовольственной базой.

С приходом к власти в Венгрии гитлеровского ставленника Салаша, число венгерских соединений, воевавших против Красной Армии, было доведено до двадцати дивизий и трех бригад, то есть более чем удвоилось. Фактически управление венгерской армией было в руках немецких генералов. Венгерские дивизии оборонялись вперемешку с гитлеровскими.

Гитлер говорил своему окружению, что сохранение венгерской территории для Германии жизненно важно.

Стремление сохранить за собой Венгрию любой ценой, потребовало усилить гитлеровские войска на ее территории. В течение сентября из южной Польши были переброшены управления 23-го танкового корпуса и 23-я танковая дивизия, а из западной Румынии - 13-я, 10-я и 20-я танковые дивизии.

Войсками с привлечением населения создавались оборонительные рубежи. На востоке Венгрии это были рубеж по границе, рубеж по реке Тиссе и рубеж по реке Дунай с будапештским оборонительным обводом, как его основой.

В результате всесторонней оценки обстановки, Ставка Верховного Главнокомандования СССР решила продолжать наступление на флангах советско-германского фронта - Прибалтике и на юго-востоке Европы, а на западе временно перейти к обороне.

Так центром политических и военно-стратегических событий до конца 1944 года стала Венгрия. В этот "центр" и был перегруппирован 4-й гвардейский механизированный корпус.

Знание же всего, изложенного выше, в широком плане нам стало доступно позже, в разгар Будапештской операции. А пока мы располагали сведениями, необходимыми для организации боевых действий подчиненных нам частей и подразделений.

Во исполнение полученного мною приказа комкора, бригада до 22-х часов 29-го октября переправилась по автодорожному и понтонному мостам через Тиссу в Сегеде, совершила марш через Форашкут, Кишкунмайша и к

часу 30-го сосредоточилась в районе Кемпеч. Через сутки, к трем часам 1-го ноября она переместилась в район Мольнар, Тарьян, отличающийся бездорожьем и заболоченной местностью. Частые перемещения позволяли скрыть от противника появление здесь мехкорпуса.

От первого знакомства с Венгрией осталась в памяти настороженность, с которой встречало население наши войска. Фашистская пропаганда трудилась не зря.

Здесь бригада получила части усиления и боевую задачу.

Корпус придавался на усиление 46-й армии, имевшей задачу разгромить армейскую группу противника, оборонявшую Будапешт, и овладеть им. Он усиливался 68-й стрелковой дивизией и, действуя на левом фланге армии, вдоль восточного берега Дуная, имел ближайшей задачей с ходу прорвать оборону противника. Затем, в течение ночи выйти к Будапешту и овладеть его южными пригородами; в последующем прорваться в Будапешт, пройти через него и к исходу 3-го ноября закрепиться на северной его окраине. Глубина ближайшей задачи составляла 110, последующей - 50, а всей задачи - 160 км.

Командир корпуса решил прорвать оборону противника на рубеже Сабадсаллаш, Фюлепсаллаш силами танковых полков мехбригад первого эшелона и развить успех по двум направлениям: правое - Сабадсаллаш, Кунтсентмиклош, Будьи, Дьяль; левое - Фюлепсаллаш, Шольт, Демшед, Дунахарати. Главные силы (три бригады) он сосредоточил на правом направлении, где в первом эшелоне наступала 14-я гвардейская мехбригада. Вслед за ней продвигалась 36-я гвардейская танковая бригада, а на левом направлении наступала 15-я гвардейская мехбригада. Каждая из мехбригад получила на усиление один стрелковый полк. Ближайшая и последующая задачи бригад по глубине совпадали с соответствующими задачами корпуса.

13-я гвардейская мехбригада, усиленная 198-м стрелковым полком и 527-м минометным полком без дивизиона, следуя за 36-й танковой бригадой, должна была развить успех первого эшелона и в первой половине дня 2-го ноября овладеть городом Альшонемеди.

Днем 1-го ноября автомобилями бригады в исходный район был доставлен 198-й стрелковый полк. Для действий его рассадил: два стрелковых батальона - на собранный с бригады автотранспорт; один - десантом на танки и арттягачи.

В предложенном начальником штаба решении на построение колонны присутствие стрелкового полка повлияло непосредственно.

- Предлагается в авангард назначить 2-й мотострелковый батальон с танковой ротой и батареей артдивизиона. Главные силы построить следующим образом: 527-й минометный полк (без дивизиона), 1-й мотострелковый батальон с танковой ротой, 1-й стрелковый батальон 198-го полка с танковой ротой, минометный батальон, 2-й и 3-й стрелковые батальоны, усиленные соответственно пушечной и минометной батареями полка, 3-й мотострелковый батальон, образующий при развертывании второй эшелон бригады. КП - в голове главных сил.

Согласившись с этим предложением, я сказал командиру 198-го стрелкового полка подполковнику, фамилия которого не сохранилась в памяти:

- При развертывании ваш полк будет наступать справа, в полосе шириной один-полтора километра при поддержке минометного батальона бригады. Танковую роту рекомендую иметь на левом фланге с тем, чтобы боевая линия танкового полка была единой. Не допустите отставания от танков пехоты. Автотранспорт после спешивания ведите за боевым порядком полка в полутора километрах, вне огня артиллерии противника, стреляющей прямой наводкой.

- Понимаю. Все ваши указания будут выполнены.

Затем я поставил боевые задачи всем частям и подразделениям и подробно указал, какие меры заранее принять по преодолению заболоченных участков.

Бригада вытянулась в колонну за 36-й танковой бригадой, а ровно в 18-ть часов 1-го ноября танковые полки 14-й и 15-й мехбригад перешли в наступление. Танки с трудом двигались по низинной полу заболоченной местности.

За ходом боя и докладами я и штаб следили по радиосетям командира и штаба корпуса. Бригады первого эшелона докладывали, что с началом атаки наших танков венгерские солдаты бросили позиции и начали разбегаться. Оборона была прервана легко, 14-я и 15-я бригады вышли в Шольт и северо-восточнее и повернули на север по своим направлениям.

А нашей бригаде досталась "битва" с грязью и глубокими колеями, которые остались от 14-й и 36-й бригад. На протяжении десяти километров, до Сабатсаллаша личный состав рубил и ломал деревья и кусты, мостил провалившуюся проселочную дорогу, вытягивал застрявшие машины, пока бригада не достигла щебеночную дорогу Сабадсаллаш, Кунтсентмиклош.

Я стоял с группой офицеров в центре Сабадсаллаша и спрашивал проходивших командиров батальонов и дивизионов.

- Все ли вылезли?

- Почти все, - с радостью отвечали они словно после большой победы.

С подходом машины командира стрелкового полка сказал:

- Теперь уж вы организуйте вытягивание полка на одетую дорогу.

- Думаю, за час вытянем наши 80 машин.

Я догнал КП бригады у Кишкунлацхазы. И на всем участке маршрута видел группы улыбающихся венгерских солдат. Они шли навстречу нам, разоруженные 14-й бригадой, на сборный пункт военнопленных. Шли и улыбались от счастья, что для них ненавистная война закончилась.

По прохождении Кишкунлацхазы к радиостанции вызвал меня командир корпуса.

- Сейчас 36-я повернет направо, для наступления на Вечеш. По мере освобождения дороги быстро продвиньте бригаду и с ходу захватите город Альшонемеди.

- Понял, выполняю, - ответил я.

Оставив КП, я с группой офицеров, возглавляемой майором Федоровым и командиром 527-го минометного полка подполковником А.И.Григорьевым, выдвинулся к авангарду. С ним на своем танке совершал марш и командир 38-го гвардейского танкового полка подполковник Тулов. По карте капитану Шалапенко поставил задачу.

- Ваша задача, по миновании хвоста колонны 36-й бригады поселка Будьи, следовать по шоссе на Будапешт, то есть прямо и атакой с ходу захватить центр и северную часть города. При необходимости ударом слева вам окажет помощь 1-й батальон. Вас поддержит огнем дивизион 527-го минометного полка.

- Кто-нибудь из наших, впереди будет?

- Разведгруппа. О противнике она будет сообщать вам первому.

- Ясно, выполняю.

После перекрестка между Будьи и Очей перед нами прямо вдаль показался Альшонемеди. В центре возвышался, перекрывая площадь, большой храм.

В тот же миг на окраине поселка зазвучали пулеметные очереди, трассы которых секли хмурый воздух в обе стороны.

- В поселке фашисты заняли оборону на южной окраине. Окопы - прерывчатые, - докладывал из разведгруппы капитан Бабкин.

- Похоже, это охранение, - высказал предположение майор Федоров.

- Сергей прав. А вы, Петр Федорович, - обратился я к Тулову, - передайте танковой роте, чтоб не стреляла по церкви.

Авангард быстро развернулся, перешел в атаку, а фашисты численностью до пехотной роты отступили в северную часть поселка, но под натиском танков покинули его. В 17-ть с половиной часов город был очищен от гитлеровцев без всяких разрушений.

Пошло радиодонесение командиру и штабу корпуса об освобождении Альшонемеди. Но сразу за городом разведгруппа и авангард встретили в обороне до мотопехотного батальона, как было установлено позже, 13-й танковой дивизии немцев, знакомой нам по нескольким операциям. Пришлось развернуть для боя все силы бригады и приданный стрелковый полк. При этом справа от шоссе Альшонемедь, Шорокшар, наступал 198-й полк, а слева - бригада. Фронт наступления составил три с половиной километра.

Наступление началось в 18.30, в сумерки. К 20-ти часам бригада и к 20.30-ти полк продвинулись на 4 км, и вышли к противотанковому рву, за который продвинуться не удалось из-за сильного огня артиллерии, танков и стрелкового оружия. Судя по плотности последнего, в обороне за рвом были не меньшие силы пехоты, чем бригада с полком. Поэтому я приказал закрепиться и донес комкору.

В результате взаимной информации мы знали, что к тому же времени справа к противотанковому рву вышли: в направлении Вечеша - 36-я танковая, в направлении Дьяль - 14-я механизированная бригады, а слева, к южной окраине Дунахарости - 15-я мехбригада.

Итак, за сутки бригады продвинулись на ПО км и оказались под Будапештом. Они далеко оторвались от стрелковых дивизий 46-й армии.

- Без задержки, привлекая столько сил, сколько требуется, провести разведку обороны фашистов, включая инженерную, - распорядился я майору Федорову. - К 24-м часам надлежит знать, насколько широко и плотно минирован ров, какие силы за ним у гитлеровцев в обороне.

Прибыв в стрелковый полк, такую же задачу поставил командиру полка. К моему удивлению, КП его оказалось у Альшонемеди, сзади КП бригады на два километра.

- Разведывательная и саперная роты у меня слабые, за три часа не справятся.

- Привлеките людей из стрелковых рот. В полосе вашего полка никто за вас разведку вести не будет. И еще: как же вы управляете батальонами, находясь от них в 4-х км? Выйдите вперед на 2 км, на линию КП мехбригады.

И я показал ему на карте район для КП, одновременно обозначив на ней КП бригады и танкового полка.

Командир корпуса приказал, как и ожидалось, подготовиться к возобновлению наступления к 8-ми часам 3-го ноября. А разведкой мы установили, что за рвом на переднем крае обороняется не менее двух пехотных батальонов гитлеровцев, причем в 100-400 м от рва окопано до 15-ти танков "Пантера" и штурмовых орудий "Фердинанд". Берег противотанкового рва со стороны противника почти сплошь минирован. В ходе инженерной разведки помощник командира минно-саперного взвода гвардии сержант Д.И.Скорик разведал с двумя минерами участок по фронту 300 м, при этом одновременно обезвредил 28 противотанковых мин. То же было обнаружено в полосе стрелкового полка, но с опозданием, к пяти часам 3-го ноября.

О результатах разведки я лично доложил начальнику штаба корпуса перед рассветом, не ослабляя работу по подготовке наступления.

Бригада и полк в течение ночи хорошо окопались и замаскировались. На случай внезапной атаки противника минометный батальон и дивизион 527-го минполка подготовили заградительные огни.

На рассвете 3-го ноября, когда завершалась подготовка к устройству проходов в противоположном рву, противник на широком фронте начал выдвижение и развертывание танков, штурмовых орудий и мотопехоты для атаки. До пяти дивизионов и один бронепоезд открыли огонь по позициям бригад. Только по нашей бригаде и 198-му стрелковому полку вели огонь три дивизиона и шесть минометных батарей.

- НЗО "Барьер", - подавали команды командиры 527-го минометного полка и начальник артиллерии бригады.
- Готовность доложить.

К радиостанции вызвал меня подполковник Толубко.

- Для комкора кратко передайте о ходе дел в вашей полосе.

Я сообщил данные обстановки и принимаемые меры. После паузы он передал приказ комкора:

- Перейти к обороне и отразить удар 13-й танковой дивизии противника.

Эту контратаку бригада и стрелковый полк отразили успешно. Пехота противника понесла значительные потери от заградительного огня; он лишился полдюжата танков, уничтоженных батареями артдивизиона, поставленными на прямую наводку.

Получив передышку и изучая через оптику позиции противника, разглядывали и город. На освещенных участках и в дымке просматривались многочисленные шпили соборов, заводских труб и даже фермы одного моста.

- Вот он, Будапешт! - произвольно вырвалось у меня. - Рядом, а не схватишь.

- Видать, он не только большой, но и толстенный. Брать его тяжело, - отозвался майор Лещенко.

- Да. Наша армия накануне штурма крупных столиц-крепостей. Кроме Будапешта, это Вена, Берлин, Прага. Но справимся. В 1941-1942-м годах было тяжелее.

В ходе дневной контратаки гитлеровцев, начавшейся в 14-ть часов, в полосе 198-го стрелкового полка фашистам удалось переправиться через противотанковый ров.

- Почему вы позволили подчиненному батальону оставить оборонительную позицию без приказа?

- В полку все на своих позициях, - ответил подполковник.

- Вы что, не видите? Молчание.

- Я сейчас организую атаку, чтобы вышибить фашистов обратно за ров. Потрудитесь лично вернуть отошедший батальон на передний край, - жестко сказал я.

38-й гвардейский танковый полк двумя ротами со вторым эшелоном бригады - 3-м мотострелковым батальоном стремительно атаковали немцев к югу от противотанкового рва. Они отошли за ров, оставив десятки трупов и два подбитых танка.

В этом бою командир башни танка Т-34 гвардии старший сержант Г.Г.Мальцев уничтожил 18-ть солдат противника. А механик-водитель гвардии старшина А.А.Макаров раздавил два пулеметных расчета.

Отошедший стрелковый батальон был возвращен на свои позиции уже вечером и мною лично. Командир стрелкового полка и к этому опоздал, так как оставался с КП на прежнем месте у Альшонемеди.

О случившейся неустойке я доложил генералу Жданову.

- Командиры других стрелковых полков не лучше: сидят далеко, ничего не видят, с действиями опаздывают. Терпите, мы-то их не заменим.

В стрелковых дивизиях был свой стиль, свои методы управления, не всегда понятные нам - танкистам. Мы не могли руководить боем полка, бригады, не видя противника и своей боевой порядок, а они могли. Во всяком случае, многие из командиров стрелковых полков, с которыми приходилось мне встречаться.

Попытки атаковать наши позиции противник предпринимал в ночь на 4-е, в ночь на 5-е и дважды 5-го ноября, но они были пресечены. При отражении контратаки 4-го ноября отличился наводчик 120 мм миномета гвардии рядовой В.Ф.Антипинский. Он уничтожил две пулеметные точки и рассеял два взвода пехоты.

К 24-м часам 5-го ноября бригада сдала свой участок 198-му стрелковому полку и отошла в Будьи, где заняла круговую оборону¹⁹⁴.

Первая попытка 2-го Украинского фронта взять Будапешт не удалась. А то, что планировалось сделать это с ходу, свидетельствует о недооценке сил противника на будапештском направлении вообще и в районе Будапешта, в частности.

6-го ноября штаб подвел итоги боев с 1-го по 5-ое ноября. Бригада нанесла следующий урон противнику: убито солдат и офицеров - 710, взято в плен - 57; уничтожено: танков и штурмовых орудий - 6, орудий разных - 13, минометов - 22, автомобилей - 41, повозок - 56. Она потеряла: убитыми и ранеными - 87 человек, танков - 3, орудий 45 мм - 1, минометов 82 мм - 1, автомобилей - 5.

Оставаясь в районе Будьи до 8-го ноября, бригада с 16.00 до 18.00 7 ноября провела во всех частях и подразделениях товарищеский обед и читку приказа Верховного Главнокомандующего № 220, посвященного 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Впервые за два года бригада отметила великий праздник вне боя. В управлении бригады совместно с управлением танкового полка был ужин в зале господского двора Шарлошаари. Мы почтили память погибших однополчан, многих перечислив поименно. Затем были тосты.

Впервые с августа месяца я видел своих товарищей, скинувших груз боевых действий, расслабившихся и веселых.

Был праздничный и другие тосты. Появился наш баянист Дойбан, и зазвучали песни...

2. В охватывающем ударе.

Вторую попытку разгромить будапештскую группировку противника и овладеть Будапештом 2-й Украинский фронт предпринял с 11-го по 26-е ноября 1944 года. Ударная группировка создавалась в районе города Цегледа и к северо-востоку от него. В нее включался и наш 4-й гвардейский мехкорпус. Она должна была нанести удар по будапештской группировке с севера и северо-востока.

В связи с этим бригада в составе корпуса совершила марш в ночь на 9-е ноября по маршруту Будьи, Лайошмиже, Кечкемет, Надькереш и к 11 -ти с половиной часам сосредоточилась в районе Биро, к юго-востоку от Цегледа, пройдя 115 км. В течение всего марша, как и в два предшествующих дня, непрерывно лил дождь.

Три часа потребовалось, чтобы расставить колонны. Местность представляла собой сочетание каналов и их нешироких дамб с многочисленными озерами и болотами. Вот по дамбам-то и расставлялась техника, а танки пришлось поставить на обочине единственной приподнятой грейдерной дороги. Растительность имела только вдоль хуторских построек. Кстати, мы именно тогда уяснили, что на территории венгерской низменности крестьянское хозяйство было, главным образом, хуторским.

Тотчас, по завершении сосредоточения, была получена боевая задача.

4-й гвардейский мехкорпус с утра 11 -го ноября должен был войти в прорыв в полосе 25-го гвардейского стрелкового корпуса, развить успех в северо-западном направлении и к утру 12-го ноября овладеть узлом дорог городом Хатван. Справа соседом была КМГ, а слева - 2-й гвардейский мехкорпус.

В полосе предстоящих действий нашего корпуса оборонялись 4-я моторизованная дивизия СС гитлеровцев и 20-я пехотная дивизия венгров. Опорные пункты противником были созданы на дорогах, дамбах, вокруг хуторов - словом, на направлениях, где может пройти техника.

Во второй половине дня 9-го ноября генерал Жданов поставил задачи бригадам и полкам. 13-й мехбригаде, усиленной дивизионом 527-го минометного полка и зенитной батареей, надлежало войти в прорыв после овладения 53-й стрелковой дивизией первой позицией противника и выхода ее на северные окраины населенных пунктов Тапиодьерде, Тапиоселе, то есть на глубину 3 км от переднего края обороны гитлеровцев. Ближайшей задачей бригады являлось овладение во взаимодействии с 36-й танковой бригадой западной частью города Ясберень, последующей - выход на северо-западную окраину Хатвана.

Справа вводилась 36-я танковая бригада, слева - одна из бригад 2-го мехкорпуса.

О порядке взаимодействия с соседями комкор сказал:

- Бригады должны продвигаться в колоннах плотную за прорывающей обороной 53-й стрелковой дивизией, имея в голове танки в готовности в любой момент поддержать ими стрелковые полки.

- Значит, ввод в прорыв возможен и раньше намеченного рубежа, то есть еще до прорыва обороны фашистов? - спросил я.

Полковник Чиж слегка улыбнулся, а комкор нахмурился.

- Обатуров, не истолковывай на свой лад. Мы войдем в прорыв, как намечено, а до этого поддержим при необходимости 53-ю стрелковую дивизию огнем танков и самоходок.

- Товарищ генерал, - задал вопрос командир 14-й бригады полковник Никитин, - а не получится, как на реке Молочной? Тогда тоже держали нас за стрелковыми полками, а как начиналось наступление, и прорыв не удавался, корпус посылали на прорыв.

- Нет, Никодим Алексеевич, здесь не та постановка задач, что там, - успокаивал комкор.

И все же от генерала мы ушли, обуреваемые сомнениями. Если не удастся 25-му стрелковому корпусу прорваться и мехкорпус заставят прорывать, то в схватке с гитлеровской мотодивизией, имеющей немало танков, мы лишимся оставшихся у нас машин.

Утром 10-го ноября побывал в бригаде новый начальник разведки корпуса подполковник Е.К.Баронов.

- Ночью получена информация штаба фронта, - сказал он, - о том, что из Будапешта на Ясберень в конце вчерашнего дня авиаразведка обнаружила движение танков, штурмовых орудий, БТР. Мы считаем, что это одна из трех фашистских танковых дивизий, находящихся в Будапеште.

- Значит, враг уже раскрыл замысел нашего нового удара?

- Да, товарищ комбриг.

С наступлением темноты 10-го ноября бригада начала марш с тем, чтобы к началу атаки 53-й стрелковой дивизии стать за ней на свое направление, головой в пяти километрах юго-восточнее Тапиодьерде. Короткий, но трудный марш был завершен к рассвету.

Около восьми часов началась артподготовка, в которой участвовала и наша артиллерия. Многие сотни стволов обрушили огонь на врага. Сквозь пелену дождя и дыма просматривались шпили церквей в Тапиодьерде.

А в 8.30 53-я стрелковая дивизия атаковала, не встретив сильного сопротивления. Но уже пройдя два километра, она встретила возрастающее сопротивление, а на подступах к Тапиодьерде и Тапиоселе - и группы танков.

Именно в этот момент, где-то около 9-ти с половиной часов, поступил сигнал о переходе в наступление нашей и соседних бригад.

- Так и случилось, черт возьми, как предполагали мы с Никитиным, - в сердцах проговорил я.

- Да, придется прорывать, - с горечью вторил мне Федоров.

- Петр Федорович, везите десант столько, сколько позволит огонь противника, - напутствовал по радио я командира танкового полка. - Но главное - не застряньте.

38-й танковый полк и сосед справа быстро обогнали стрелковый полк; обогнали его и мотострелковые батальоны, броском двинувшиеся за танками. Но когда танки покинули дороги и дамбы, их движение замедлилось. Они маневрировали в поисках проходимых участков местности. Противник этим воспользовался, противопоставив ближайшие резервы. К тому же это совпало со сменой огневых позиций бригадной артиллерией, двигавшейся в свою очередь медленно. Задержка дала возможность фашистской артиллерии отойти на новые позиции и усилить огонь.

Но наибольшие трудности нашей и 36-й танковой бригадам создавал узел обороны в Тапиодьерде. Здесь были и противотанковые орудия, и мины, и небольшие группы танков.

Перемещаясь вперед со своими командными пунктами по дороге, идущей с юго-востока к Тапиодьерде, мы встретились с командиром 36-й танковой бригады полковником Жуковым.

- Что будем делать? Атака захлебывается, противник прекратил отход, - с тревогой проговорил Петр Семенович.

- Танки, тем более другая техника, не пройдут, минуя Тапиодьерде. Это село надо брать.

- Согласен.

- Судя по карте, правее села местность заболочена меньше. Протолкните, сколько можете, танков в обход села. А мы мотострелковыми батальонами обойдем село слева с таким количеством танков, какое пройдет. Так и побьем фашистов в Тапиодьерде.

- Согласен, - подумав, ответил Жуков. - Время?

- Через 20 минут, в 12.10.

- Договорились.

Я продиктовал штабу для передачи подчиненным танковому полку, батальонам и артиллерии, задач.

После возобновления наступления завязался напряженный бой. Обходу танков 38-го полка мешали и болото, и противотанковые орудия, и несколько танков, расположенных на западной окраине села. В самом начале атаки у нас загорелось два танка.

- Майор Лещенко, огонь минометного дивизиона по западной окраине Тапиодьерде и на время, необходимое на обход села танками.

- Подаю команду, - ответил начальник артиллерии.

2-й мотострелковый батальон ворвался на юго-западную окраину села, а 3-й и 1-й, форсируя болото, шли в обход его. Через час после возобновления наступления они вышли на линию северной окраины села.

Я по радио сообщил полковнику Жукову о ходе наступления.

- Мои продвигаются, но задержал канал северо-восточнее Тапиодьерде. Готовим переходы.

С выходом бригад к северной окраине села, гитлеровцы стали поспешно покидать его, но попали под губительный огонь минометов, танков и мотострелков. Бригада сожгла два танка, уничтожила семь орудий с тягачами, до 60-ти гитлеровцев и взяла в плен более 20-ти человек.

К 15-ти часам бригады очистили от фашистов Тапиодьерде.

- Теперь пойдём вперед быстрее, - проговорил при встрече на северной окраине села полковник Жуков.

- Вряд ли. Нам мешает танковая дивизия.

- Да, да! Я про нее и забыл.

Тотчас по овладении Тапиодьерде, в трех километрах севернее и северо-западнее на горизонте стали просматриваться силуэты танков и штурмовых орудий в небольших колоннах.

Я доложил о взятии Тапиодьерде и появлении новой группировки противника начальнику штаба корпуса. У него взял трубку генерал Жданов.

- Повторите, Обатуров, свой доклад. Я доложил заново.

- За Тапиодьерде вам с Жуковым спасибо. Теперь придется атаковать танковую дивизию. На правом фланге ввожу в бой 15-ю мехбригаду, во фланг вражеским танкам.

- Теперь атаковать танковую дивизию поздно, она будет жечь нас.

- Что вы предлагаете? - нетерпеливо спросил комкор.

- Войти с ней в контакт засветло, выдвинувшись вперед и изготавиться к возможному отражению удара. А с наступлением сумерек перейти в атаку. Ночью наши танки и экипажи сильнее вражеских.

После некоторой паузы комкор ответил:

- Действуйте так, как предлагаете. Так же будет действовать Жуков. А 14-я и 15-я бригады атакуют до наступления темноты.

Бригада сблизилась с танковыми частями противника, выдвинувшись вперед на 2-3 км. И сразу завязался огневой бой. На тот же рубеж вышла 36-я бригада и сосед слева - 5-я гвардейская мехбригада 2-го гвардейского мехкорпуса, дневная атака ее, а также 14-й и 15-й успеха не имела. Но в ходе их боя было установлено, что перед корпусом та же старая знакомая - 13-я танковая дивизия, противостоявшая корпусу южнее Будапешта.

Командир корпуса установил единое время ночной атаки - 20-ть часов. Артиллеристы и минометчики засекли некоторое число целей, по которым подготовили огонь. В сумерках артдивизион и батареи мотострелковых батальонов в основном на руках выдвинули вперед большинство своих орудий, подготовив огонь по танкам фашистов.

Решил атаку провести в одноэшелонном построении бригады, имея в резерве отдельные роты ПТР и автоматчиков.

Сложной получилась ситуация с танковым полком. Если канал впереди мотострелковых батальонов еще засветло оборудовался силами инженерно-минной роты и саперного взвода полка переходами для танков, то местность за каналом была опасной для них.

Мы с подполковником Туловым много раз просматривали карту, примерялись, как преодолеть этот участок 5-6 км и выйти к дороге Тапиоселе, Ясберень, не посадив танки. И ничего не придумали, кроме того, что десант вырубкой деревьев и кустов должен вызволять из беды танки. На танках с этой целью прибавилось топоров и лопат.

Для освещения местности в интересах танков мотострелковые подразделения получили ракеты, а делать это им было привычно. В необходимых случаях экипажам разрешалось на мгновения включать свет фар.

После огневого налета, осветилась местность и началась атака. КП был близко к среднему мотострелковому батальону, на небольшой высоте у хутора, поэтому многое мы видели. Свет ракет показывал, что не менее половины площади в расположении противника залито водой.

Атаквала и 36-я танковая бригада, а сосед слева - 5-я мехбригада переходила в атаку позже.

Сразу же с обеих сторон открыли огонь танки. У противника стреляли "Фердинанды" и "Пантеры", их огонь нельзя было спутать ни с чем.

- На всем горизонте я насчитал 16-ть точек, из которых летят раскаленные снаряды "Фердинандов", - доложил начальник разведки, - Это значит, что в пределах видимости, примерно перед тремя бригадами участвуют в бою 16 штурмрудий "Фердинанд".

- Считай, что дивизион, - заметил я. - Донеси результат этого наблюдения в разведотдел корпуса. А сколько в 13-й танковой дивизии танков?

- При полном штате - 185, но она недоукомплектована, понесла потери южнее Будапешта. Если и 50%, то около 90 танков. С учетом штурмовых орудий на наш корпус придется 60-70 единиц, а на бригаду - 20-25.

- Жаль, что погода нелетняя. Наши штурмовики с ними бы расправились.

Первые доклады командиров мотострелковых батальонов говорили о медленном движении танков.

- Сколько уже танков сидит у вас, товарищ Тулов?

- Уже три.

- Майор Федоров, передайте мотострелковым батальонам: где противник не оказывает сопротивления, танки не ждуть, наступать без них, с орудиями и минометами.

- Есть.

Танки уже горели с обеих сторон. У себя я насчитал два, у противника - больше, но, может быть, среди них были и тягачи.

К двум часам 12-го ноября бригада продвинулась до дороги Тапиоселе, Ясберень. Захватив ее, мы получили облегчение: хотя и грунтовый грейдер, но технику держал. На дорогу начали вытаскивать танки, артиллерию, минометные подразделения. Наступление ускорило, и за вторую половину ночи мы, ведя тяжелый бой с 13-й танковой дивизией на грейдере и по сторонам его, к рассвету вышли к городу Ясберень.

В этот момент прибыл с докладом инженер-майор И.К.Ребров, ставший несколько дней назад помощником командира бригады по технической части. Он доложил о неутешительной картине движения техники. Было решено отставшую и застрявшую артиллерию с тягой и автомобили после вытаскивания вести в обход от Тапиодьерде через Тапиоселе на Ясберень.

- Окажите помощь в вытаскивании танков, Иван Карлович. Девять сидят, а сюда вышло только шесть, - распорядился я ему. - Если к утру не вытащите танки, наступления не будет. Для этого нужно очистить грейдер от сгоревших и застрявших "Фердинандов" и другой техники фашистов. Прохода нет.

- Возвращаюсь выполнять ваши указания.

Свой отход к Ясберени фашисты прикрывали "Фердинандами". И когда начинали сильно шуметь их моторы, то есть они разворачивались, чтобы отходить, наши танки делали рывок вперед, и расстреливали их в беззащитную корму. Так до Ясберени было сожжено и подбито пять "Фердинандов".

К девяти часам 12-го ноября мотострелковые батальоны вышли на рубеж примерно в километре от Ясберени и были встречены артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника. Справа начали подходить танки 36-й бригады.

Подошло до половины орудий артдивизиона, большая часть минометного батальона, батарея дивизиона 527-го минометного полка. А танков нет. Я начал волноваться. По радио Тулов отвечал, что вытаскивает.

- Срочно приведите не застрявшие.

Ответа долго не было, но появился около 11-ти часов сам подполковник Тулов на своем танке.

- Где танки? - спросил я.

- Застряли.

- Застряли те, что были на грейдере?

- Да.

Я стал терять самообладание и резко спросил:

- Вы являетесь командиром какого полка?

- Как какого? 38-го танкового.

- А нужны ли вы без танков-то?

Петр Федорович испуганно посмотрел на меня, сказал "Есть" и побежал к своему танку. К 14-ти часам он прибыл с семью танками, рассредоточил и замаскировал их и доложил. Я от радости обнял его, поблагодарил и извинился.

Ко всем неприятностям тут добавился еще трагический случай. На моем КП, вырытом наполовину, справа от меня сидели два офицера и радист, а слева - телефонист. Я набрасывал на карту решение, когда пролетевший вблизи слева раскаленный снаряд "Фердинанда" обдал меня жаром. В тот же миг я почувствовал сильный удар в левое плечо и повернул голову налево. Обезглавленное туловище телефониста валилось вперед, а моя шинель была облита кровью и мозгами погибшего.

Славный, знающий был телефонист, имел две награды. Его труп был временно прикопан, а 15-го ноября погребен с почестями в братской могиле в Ясберени.

Тогда я вновь отметил себе: вот опять повезло. Пролети снаряд на полметра правее, без головы был бы и я.

А вытянуть к Ясберени всю технику бригаде удалось только к концу дня 13-го ноября.

До подхода танков мотострелковые батальоны продвинулись на 300-400 м. А затем, с подходом танков бригада до конца дня трижды переходила в наступление, в том числе два раза одновременно с 36-й танковой бригадой, своим правым соседом. В целях сохранения танков от огня "Фердинандов", они атаковали, двигаясь за цепью мотострелков. Атаки были безуспешными, противник обладал равными, если не превосходящими силами и опирался на город. А река Задьва, опоясывающая город, мешала обходу танками, имея заболоченную пойму.

Днем, 14-го ноября, бригаде удалось захватить грейдер, идущий от Ясберени на запад. И тут начались контратаки превосходящих сил мотопехоты гитлеровцев с танками, которые бригада отбила с большим напряжением. Во время одной из контратак был ранен исполняющий обязанности начальника штаба майор Сергей Михайлович Федоров.

Эта потеря была для меня невосполнимой. Мы понимали друг друга с полуслова. Он являлся, пожалуй, единственным из офицеров бригады, кто, не будучи танкистом, понимал принципы применения танков и механизированных войск, которые были заложены в уставах и которым строго следовал. К счастью, ранение оказалось легким, и я решил ждать Сергея, не заполнять его должность.

Как всегда, вечером я доложил о результатах боя за день, в данном случае за 14-е ноября.

- Разучился воевать, Обатуров. 13-я танковая дивизия немцев нами обескровлена, слабая, а вы топчетесь на месте.

Конечно, 13-я танковая дивизия понесла большие потери, но не уступала нам. Владимир Иванович в данном случае старался подзадорить меня. Ведь другие бригады корпуса тоже топтались.

Вечером из штаба корпуса поступила информация о выдвигении с северо-запада к Ясберени 24-й танковой дивизии.

- День ото дня не лучше! - с досадой проговорил Листухин.

- Да, враг на будапештское направление не пожалел сил. Около 20-ти часов позвонил полковник Чиж.

- С утра завтра, 15-го ноября, переходят в наступление на противника, обороняющего Ясберень, три стрелковые дивизии - 227-я, 303-я и 409-я. Они нанесут удары с юга и востока. Бой в городе возложен на них, а обход с востока и запада - на наш корпус. Уточненная задача вашей бригады состоит в следующем: прорвать позицию фашистов по реке Задьва на участке от желдорстанции в Ясберени и 2 км западнее, нанося удар в обход Ясберени на Пустамоноштор и к исходу дня овладеть им, не допуская подхода резервов противника в Ясберень от Хатвана. Готовность - 9-ть часов. Авиации, видимо, опять не будет, артиллерийская же подготовка атаки - по вашему решению. О готовности доложить.

- Понял. Кто будет нашим соседом слева?

- Тот же 2-й мехкорпус, но он будет поворачивать к северной окраине Будапешта.

С 9-ти часов 15-го ноября началось наступление, в котором на участке нашего корпуса впервые командование фронта создало превосходство. 1-й и 2-й мотострелковые батальоны, сломив оборону врага, мотопехоты в которой резко уменьшилось, видимо, из-за переброски на восточную окраину города, и переправившись через Задьву у железнодорожного моста, в 11-ть часов овладели станцией и быстро двинулись в направлении Пустамоноштор. 3-й батальон переправился через Задьву 3 км западнее Ясберени и в свою очередь устремился к Пустамоноштору.

- Передать батальонам: 1-му атаковать противника в Пустамоношторе справа, 2-му и 3-му - слева; танковому полку выходить к северу от села, препятствуя подходу резервов от Хатвана, - приказал я капитану Ярцеву, оставшемуся за начальника штаба.

Бригада наступала, ведя напряженный бой. С 17-ти до 19-ти часов село было освобождено от гитлеровцев и занято бригадой.

Враг здесь потерял более сотни убитых и несколько десятков пленных.

У нас в 18-ть часов 3-й мотострелковый батальон с танками начал наступление по шоссе на Хатван, но в полутора километрах от Пустамоноштор был остановлен мотопехотой с танками.

- На достигнутом рубеже стоять твердо, - потребовал я от капитана Щенина, заменившего за несколько дней до этого майора Ковалева. - С этого рубежа мы все двинемся на Хатван.

В самом начале этого боя отличился командир танка, он же офицер связи танкового полка в бригаде, гвардии младший лейтенант Иван Георгиевич Федотов. Во время следования на танке в район КП бригады с донесением он обнаружил два танка противника на северном берегу Задьвы, спрятавшиеся в кустах. Заняв танком позицию за небольшой высоткой, танкист-гвардеец точным огнем подбил один танк. Второй танк начал разворачиваться, видимо, для отхода. Федотов уловил момент, когда он подставил борт, и сжег его.

Донес радиogramмой и доложил по радио о взятии Пустамоноштора начальнику штаба корпуса. Ответил подполковник Толубко.

- Командиру доложено, он доволен действиями бригады. 14-я и 15-я бригады час назад вышли на северную окраину Ясберени и отрезали фашистам путь на Хатван. Их в городе добивают стрелковые дивизии. Вам в течение 5-6 часов подтянуть отставшую и застрявшую технику, пополнить запасы и подготовиться к наступлению на Хатван.

Боевым распоряжением, поступившим ночью, определялось, что 13-я мехбригада должна наступать на правом фланге корпуса в направлении Пустамоноштор, западная окраина

Хорт, северная окраина города Хатван и к исходу 16-го ноября овладеть северной частью этого города.

Решил построить боевой порядок бригады в два эшелона: в первом - 2-й и 3-й мотострелковые батальоны, усиленные каждый танковой ротой из четырех танков, во втором эшелоне - 1-й мотострелковый батальон. Для огневой поддержки 2-го батальона назначил дивизион 527-го минометного полка, 3-го батальона - минометный батальон. Соседом слева являлась 14-я мехбригада, наступавшая вдоль шоссе на Хатван, а справа - одна из дивизий 27-го гвардейского стрелкового корпуса.

Двое суток бригады пробивались к Хатвану, ведя тяжелые бои с 24-й танковой дивизией гитлеровцев. Успех продвижения нашей бригады решил ночной бой в конце дня 17-го ноября. В 20-ть часов, уловив момент, когда дождь прервался на непродолжительное время, а противник не ждал нашего наступления, бригада перешла в ночную атаку, нанесла урон гитлеровцам, беспечно ужинавшим и отдыхавшим, и быстро двинулась вперед. Танки противника, боившиеся наших ночных танковых атак, стали отходить с паниковавшей пехотой. В результате всего этого во втором часу 18-го ноября бригада захватила западную часть Хорта, к рассвету вышла на рубеж в 800-х метрах от северо-восточной окраины Хатвана. Здесь ее остановила подготовленная, плотно занятая оборона фашистов.

Вскоре из района, непосредственно примыкающего к северной окраине города, донесся сильный шум танковых моторов. Несомненно, враг готовил контратаку, чтобы компенсировать ночной провал.

- "Третий", я "Первый" - кричу в трубку радиостанции, вызывая командира танкового полка. - Убрать танки в укрытия за батареи артдивизиона. Противник готовит крупную контратаку.

- Выполняю.

Но не все машины успели укрыться за складками местности. Вскоре на восточные скаты гребня, соседствующего с железной дорогой, вышли в боевой линии 12-ть танков "Пантера" и пять штурмовых орудий "Фердинанд". Началась огневая дуэль. Семь танков, успевших стать за складками местности, уцелели, а три, оставшиеся на открытой местности, были потеряны: два сгорели, один - подбит.

Главной бедой для нас была потеря экипажей. Погиб командир танковой роты гвардии старший лейтенант Михаил Корнеевич Лаптов. Он отличился еще под Будапештом 2-го ноября, где его рота уничтожила три пушки, восемь пулеметных точек, десять автомобилей и несколько десятков вражеских солдат. И здесь, под Хатваном он успел поджечь два танка и уничтожить более десятка гитлеровцев.

Командир танкового взвода - гвардии младший лейтенант Иван Алексеевич Маньяк, и командир танка - гвардии младший лейтенант Михаил Никифорович Попов, уничтожили по одному танку, несколько пехотинцев, но погибли.

Из группы фашистских танков сгорело шесть и при отходе, попаданием в борт сожжен один "Фердинанд".

Большую роль в отражении этой контратаки сыграл артдивизион, две батареи которого были непосредственно в цепи мотострелков. Первоначально он прикрыл отход танков в укрытия, затем огнем не позволил сблизиться контратакующей группировке с нашими танками. Командир дивизиона С.Н.Брандуков, ставший уже майором, и старший адъютант дивизиона старший лейтенант П.А.Романов находились на позициях батарей и оказывали помощь командирам батарей в управлении огнем.

Здесь мы схватились с 24-й танковой дивизией 57-го танкового корпуса немцев. Хотя враг получил отповедь, но потеря друзей-танкистов, мастеров танковых атак, острой болью прошла через наши сердца. Все три офицера были посмертно награждены орденом Отечественной войны первой степени.

С 19-го по 26-е ноября бригада во взаимодействии с соседними 14-й и 15-й мехбригадами переходила в наступление один-два раза ежедневно, но безуспешно. Она отражала по несколько контратак противника в день и нанесла ему немалые потери.

К исходу 26-го ноября Хатван был взят. И вновь, как и Ясберень, тогда, когда было создано превосходство в силах и средствах. В бой за этот город были подключены до трех стрелковых дивизий 7-й гвардейской армии.

А ворваться в Будапешт не удалось и с этого направления.

Бои за Тапиодьерде, Ясберень, Хатван обескровили корпус и бригаду. С 11-го по 26-е ноября бригада потеряла: убитыми и ранеными - 929 человек, сгорело танков - 7 и подбито 4, орудий 76 мм - 2, минометов 120 мм - 3, 82 мм - 3, автомашин - 9. В строю осталось 48% личного состава к штату, 8 танков плюс 4 в ремонте, для ввода в строй которых требовалось 3-5 дней.

По наличию в строю мотострелков, танков бригада приближалась к тому бедственному положению, в котором она была на Никопольском плацдарме. Все же по всем другим специальностям и видам вооружения и техники бригада оставалась боеспособной. Более того, мотострелков, танков и орудий у нее в строю было больше, чем в других мехбригадах.

Понесенные потери не были напрасными. 13-ю и 24-ю танковые дивизии гитлеровцев разгромил, в основном, 4-й гвардейский мехкорпус. С 11-го по 26-е ноября только нашей бригадой было убито и взято в плен 4709 солдат и офицеров, уничтожено: танков и штурмовых орудий - 21, автомашин - 98, орудий - 40, минометов - 61. Как свидетельствует сам командующий немецкой группой армий "Юг" Ганс Фриснер в книге "Проигранные сражения", в 13-й танковой дивизии в те дни осталось в строю по одному танку на полк, а в 24-й боеспособных танков - ни одного, а исправных БТР всего семь.

Редели ряды венгерских дивизий. Все труднее становилось мобилизовать венгров в армию.

К этому времени резко изменилось отношение венгерского населения к Красной Армии. Исчезли настороженность, стремление избегать встреч. Люди улыбались, охотно шли на контакт.

А теперь о том, как в эти дни я вернулся на должность начальника штаба бригады. Днем 19-го ноября вызвал меня на КП корпуса начальник штаба, предупредив, чтоб машин было две. Спешил в пути, поглощенный догадками.

В автобусе, поставленном в окоп, после моего доклада о прибытии Владимир Филиппович вышел из-за стола, пожал руку и сказал:

- Представляю нового командира 13-й гвардейской механизированной бригады, Героя Советского Союза, полковника Горячева Павла Ивановича. А это, - показывая на меня, сказал - более месяца командовавший бригадой, теперь вновь ее начальник штаба гвардии подполковник Обатуров Геннадий Иванович.

Затем он пригласил меня сесть, задал несколько вопросов о состоянии бригады и ходе боя и попрощался.

Павлу Ивановичу Горячеву было 49 лет, но выглядел он старше. Среднего роста, полнеющий, он двигался медленно, рассказывал о себе охотно.

- Я был профессиональным политработником с гражданской войны. В Великую Отечественную вступил в должность начальника политотдела армии. Под Смоленском по моему приказу за трусость расстреляли майора, оказавшегося одним из племянников М.И.Калинина, председателя Президиума Верховного Совета СССР. Хотели за самоуправство судить, но ограничились снижением в должности на две ступени. Я стал комиссаром стрелковой дивизии. С упразднением института комиссаров прошел командные курсы и был направлен командиром мехбригады. После ранения в августе и двухмесячного лечения был в резерве, ждал назначения.

- У вас какое образование? - спросил он. Я назвал.

- Значит, кадровый танкист. Буду полагаться в танковых делах на вас. Мое образование - совсем другое. Я в 1931-м году окончил военно-политическую академию, а до нее так называемый Свердловский университет в 1930-м году.

- Выходит, вы и философ, и политработник, и командир, - заметил я. - Что же предпочтительнее для вас?

- Командная работа. Я в нее уже втянулся.

Прибытие нового командира в бригаде встретили с недоумением. Наверное, я был одним из немногих, кто воспринял это без особой неожиданности. Должность командира бригады уходила от меня не единожды, поэтому с того момента в Белграде, как вступил в командование бригадой, я не был уверен, что останусь комбригом.

Вернусь к событиям, последовавшим за взятием Хатвана. К утру 28-го ноября бригада перешла из Хатвана в район Пустамоноштора. А 30-го ноября командир корпуса решил из-за больших потерь вывести нашу бригаду из боя и за счет ее пополнить другие бригады. Танки с экипажами мы передали в 36-ю танковую, а мотострелков - в 14-ю и 15-ю механизированные бригады; разведроту - в непосредственное подчинение начальника разведки корпуса, артиллерийский дивизион и минометный батальон - в резерв командующего артиллерией корпуса. Оставшийся личный состав, в основном офицерский, занялся боевой подготовкой.

Разумеется, решение раздать бригаду глубокой болью отозвалось в каждом из нас. Выбор именно нашей бригады, как источника пополнения, я первоначально отнес к тому, что в 13-й - новый командир, незнакомый командованию корпуса, тогда как в других бригадах свои, многократно проверенные командиры. Но уже 1-го декабря во время доклада полковнику Чижу я усомнился в этом.

- Как новый командир? - спросил он.

- Общительный. Имеет большой жизненный опыт. Конечно, как и многие политработники, он слаб в военнотехническом отношении, чего и не скрывает. Тактически подготовлен. Доверяет. Восемь дней боев бригады, состоявшихся при нем, он всегда спрашивал мои соображения по решениям и ни разу не выразил несогласия.

- Искренен?

- Еще как! Говорит прямо о старших и младших.

- Не рассказывал о приеме у командира корпуса?

- Нет.

- Жданов принимал его в присутствии меня. Пригласил к чаю. Когда Горячев разделся, а Владимир Иванович увидел у него Золотую Звезду, то сказал:

- Теперь в корпусе среди командования два Героя Советского Союза.

- А в том мехкорпусе, в котором я был до ранения, двое в командовании корпуса и три комбрига из четырех были Героями. В моей бригаде было 17-ть Героев Советского Союза.

Этот ответ, сделанный Горячевым, смотря прямо в глаза Владимиру Ивановичу, возмутил последнего. Чай был испорчен.

- И испорчена служба Горячева в корпусе.

- Возможно.

"Горячев не успел что-либо сделать для бригады, но толчок к ее раздаче дал", - подумал я.

Заслушав мой доклад о передаче в другие бригады и в управление корпуса личного состава, техники, вооружения, полковник Чиж спросил:

- К командиру корпуса зайдете?

- Зачем? У меня есть просьба, которую, надеюсь, выполните вы.

- Слушаю.

- Уже год беспокоит осколок с внутренней стороны правого бедра, оставшийся от первого ранения. Он при резких движениях смещается, вызывая внутренний кровоподтек. Врачи рекомендуют скорее расстаться с ним, но в госпитале. Срок - две-три недели. Сейчас для госпитализации подходящий момент. Комбриг не возражает.

- Я - тоже. Но вы знаете Жданова, вдруг возмутится, что его обошли. Вы ведь у него на виду. Зайдите и доложите.

Генерал Жданов принял без задержки, выслушал, помолчал и заговорил:

- Прибытие Горячева для меня явилось полной неожиданностью. Еще Толбухин подписал ходатайство перед Москвой о вашем назначении на бригаду. Затем шифром просил об этом Малиновский. Получилось не так, как я хотел.

- У меня нет обиды. Я прошусь на операцию потому, что это действительно нужно.

- Лечитесь и возвращайтесь. Дадут пополнение, бригада пойдет в бой.

Во фронтовом госпитале, расположенном в городе Сегед, осколок мне удалили, и 17-го декабря я вернулся в бригаду. Она уже располагалась в Боршошберенке, куда только что перешла из Пустамоноштора.

О дальнейшем развитии событий на фронте. Третья попытка разгромить будапештскую группировку противника была предпринята с 5-го по 12-е декабря и предусматривала его окружение фланговыми ударными группировками фронта, причем главный удар наносила правофланговая. В нее был включен и 4-й мехкорпус.

Он в составе конно-механизированной группы с 6-го декабря наносил удар в направлении Берцель, Балашадьярмат, совместно с кавкорпусами 8-го декабря овладел им. Выполняя приказ о разгроме фашистских войск в городе Сечень, он повернул на восток и вел бои за Сечень до 20-го декабря.

Основные силы ударной группировки вышли к горам Бершень и к Дунаю севернее Будапешта. А ударная группировка на левом крыле фронта несколько расширила плацдарм на западном берегу Дуная, примкнула фланг к 3-му Украинскому фронту, но продвинуться западнее Будапешта не смогла.

Хотя и третья попытка разгрома будапештской группировки закончилась неудачей, но вся территория между реками Тиссой и Дунаем до будапештского оборонительного обвода была в руках Красной Армии.

Хотя бригада, как таковая не воевала, но штаб не забывал воюющих своих подразделений - артиллерийского дивизиона, минометного батальона и разведроты. Мы систематически следили, чтобы подразделения тыла бригады своевременно подвозили боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства.

Отзывы штаба артиллерии и разведотдела о наших подразделениях были самые добрые. Похвально отзывались о командирах дивизиона и батальона майоре Брандукове и капитане Носкове, их старших адъютантах старших лейтенантах Романове и Ионове.

Теперь, после третьей неудачи Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение окружить и уничтожить будапештскую группировку силами двух фронтов - 2-го и 3-го Украинских. К этому времени 3-й Украинский фронт продвинулся далеко за Дунай и вышел к озерам Веленце и Балатон, в 50-100 км юго-западнее Будапешта.

4-й гвардейский мехкорпус вошел в ударную группировку 2-го Украинского фронта, которая с 20-го декабря нанесла удар от Шахи (Шаги) вдоль рек Грон и Ипель Каюг, разгромила здесь противостоящие части противника и 26-го декабря силами 6-й гвардейской танковой армии и 4-го гвардейского мехкорпуса вышла на северный берег Дуная напротив Эстергома. Войска 3-го Украинского фронта, обойдя Будапешт с запада, в этот же день овладели Эстергомом. Будапештская группировка была окружена.

И мы, непосредственно не участвовавшие в этом событии, ликовали.

- Свершилось! Сколько крови нам этого стоило! - сказал подполковник Тулов.

- Еще много сил потребуется, чтобы разгромить окруженных, - сказал полковник Горячев.

Ряды корпуса изрядно поредели. До 7-го января он получил передышку. Командование рассчитывало на пополнение. Достаточно сказать, что в строю было 14-ть танков и 96 орудий и минометов.

Но пополнения не было.

3. Последний бой.

До начала февраля 1945 года 13-я гвардейская мехбригада продолжала стоять в Боршошберенке и занималась с тем составом, что был в наличии, боевой подготовкой.

В конце декабря вернулся из госпиталя майор Федоров, и штаб снова стал полнокровным.

В Боршошберенке мы встретили Новый 1945-й год. К празднику в воюющие подразделения были направлены лучшие продукты и в увеличенном количестве. Для поздравления побывали: в артиллерийском дивизионе - подполковник Листухин, в минометном батальоне - я, в разведроте - майор Федоров.

А вечером 9-го января меня ждал сюрприз. Полковник Горячев устроил ужин, пригласив заместителей и помощников, командование танкового полка и командиров батальонов в связи с моим 30-летием. Впервые в жизни мне было уделено такое внимание, поэтому я чувствовал себя неловко.

Конечно, как положено в таких случаях, все говорили мне лестные слова. В конце ужина комбриг сказал:

- Горячо и сердечно желаем вам выйти из войны живым. Павел Иванович устроил свой быт обособленно. Обычно командование бригады вне боя принимало пищу в офицерской столовой роты управления вместе с другими офицерами штаба. Он же заимел своего повара и прочих людей, обслуживавших его. В отдельном доме он и размещался с ними.

Еще в середине декабря поползли слухи, что командир бригады пьет не в меру. Перед новым годом начальник политотдела подполковник Листухин говорил мне:

- Что-то наш комбриг часто выпивает. Так ли это?

- Мне не дано знать. Он живет обособленно, ни со мной, ни с другими стол не делит.

- Вы ежедневно у него - на докладе. Что-то могли заметить.

- Не принимаю. Время докладов им установлено утреннее, когда даже питухи бывают трезвыми.

Вскоре Иван Яковлевич повторил разговор о Горячеве.

- Он пьет много, я это знаю. Если бригаде посчастливится получить пополнение и пойти в бой, вам опять придется брать на себя работу командира.

- Насчет "много" - не знаю, а что придется работать за него, убедился на занятиях в поле с офицерами. Он даже идею решения формулирует не полностью, все перекладывает на начальника штаба.

- Значит, надо не молчать, а докладывать командиру корпуса.

- Во-первых, у меня нет веских оснований обвинять Павла Ивановича в пьянстве. Обстановку в бригаде знает, кого положено заслушивать, указания дает разумные. Во-вторых, мои сообщения могут быть восприняты как претензия на должность комбрига. Я это делать не буду.

С 7-го января корпус был подчинен командующему 7-й гвардейской армией (генерал-полковник Михаил Степанович Шумилов) и, не получив пополнения, занял оборону на плацдарме, захваченном армией на западном берегу реки Грон. Рубеж обороны корпуса проходил по линии Барт (Брити), Солдины (Сводин), а соседями были: справа - 24-й, слева - 25-й гвардейский стрелковые корпуса 7-й гвардейской армии.

Каковой была укомплектованность соседей - данными не располагаю, не знаю, что с момента окружения Будапештской группировки максимум сил и средств фронт сосредоточил на ее уничтожении. А наш 4-й мехкорпус стал в оборону лишь двумя слабенькими 14-й механизированной и 36-й танковой бригадами, двумя артиллерийскими частями и саперным батальоном. 15-я мехбригада и два самоходно-артиллерийских полка так же, как наша бригада, были выведены из боя без войск.

С переходом в оборону командир корпуса приблизил нашу бригаду к корпусу: она 8-го февраля перешла в Марианостра. А 9-го февраля я был на докладе у начальника штаба. КП корпуса расположился в Кабелькуте.

По окончании доклада о перемещении бригады Владимир Филиппович спросил:

- Верно, что полковник Горячев сильно пьет и мало занимается делами?

Я растерялся. За последние три недели в редкие вечерние посещения комбрига, связанные с неотложными делами, уже трижды видел его пьяным. Врать не умел, а большое уважение, которое я испытывал к полковнику Чижу, обязывало быть откровенным.

- Да, у Павла Ивановича водка - его слабость. Хотя он живет, обособившись от всех, и неизвестно сколько пьет, но во второй половине дня и вечером он часто пьян. На делах это не сказывается. Есть штаб, но он все больше и больше перекладывает свои решения на меня.

- А если бой?

- Тогда сразу все откроется, но провала не будет, есть слаженный штаб.

- Вы не думали, что следует доложить об этом генералу Жданову?

- Мне докладывать нельзя. Подумают, что делаю это в корыстных интересах.

И все же на вопросы о Горячеве мне пришлось отвечать генералу Жданову. Это - через несколько дней после приема полковником Чижом, причем, мои ответы были аналогичны ответам Владимиру Филипповичу.

- Вы правду мне, Обатуров, сказали? - спросил после моих ответов Владимир Иванович.

- Правду. Как и всегда ранее, сказал правду.

- А может ли он с этими привычками командовать бригадой?

- С этими привычками... - не знаю. А вот по возрасту ему тяжело.
- Смотри мне, Обатуров, если в бригаде будет что-то неладно, с тебя спрошу.

Основным событием января-февраля на 2-м Украинском фронте была ликвидация окруженной группировки. Она затянулась до 13-го февраля. Этому есть объяснение. Фашисты сумели стянуть против 3-го Украинского фронта крупные силы, создать значительное превосходство в танках и в январе нанести три контрудара для того, чтобы деблокировать окруженную группировку. Эти контрудары были отбиты, враг отброшен, но время на ликвидацию увеличилось.

В Будапеште были разгромлены семь пехотных, две танковые, одна моторизованная и две кавалерийские дивизии, до 30-ти отдельных частей. Уничтожено 50 тысяч и взято в плен 138 тысяч солдат и офицеров противника.

Длительность (три с половиной месяца) Будапештской операции объясняется и тем, что ставка Верховного Главнокомандования в декабре-январе основную массу вооружения, техники, боеприпасов, а главное - личного состава направляла на решающий участок фронта - на берлинское направление. Будапештское направление получало все это в крайне ограниченных количествах. Между тем на будапештском направлении немцы имели 13 - ть из 23-х танковых дивизий, воевавших на советско-германском фронте.

Будапешт заставил гитлеровцев перебросить с польско-берлинского направления несколько танковых дивизий, что облегчило наступление советских войск на главном направлении войны.

А на тройском плацдарме с 17-го февраля гитлеровцы перешли в наступление с целью ликвидации его. Они нанесли удар шестью дивизиями, в том числе тремя танковыми. Войска 7-й гвардейской армии и 4-й мехкорпус, уступая противнику в людях, технике и артиллерии, упорно оборонялись, но устоять не смогли.

22-го февраля вечером бригада отметила 27-ю годовщину Красной Армии, а ночью позвонил мне подполковник Толубко и сказал:

- Передаю распоряжение комкора: собрать, что можно и поставить в оборону по восточному берегу реки Грон на участке, противостоящем селу Каменин, с задачей, оказывая помощь в переправе отходящим нашим войскам, не допустить прорыва гитлеровцев на восточный берег Грона. Справа в створе с Биней станут в оборону подразделения 15-й мехбригады.

- Что, Володя, плохо?
- Плохо.
- Понял, выполняем.

Доложив полковнику Горячеву, я по тревоге поднял роты автоматчиков и ПТР, зенитно-пулеметную и инженерно-минную роты и к восьми часам 23-го февраля поставил их в оборону на указанном участке, приказав тотчас окопаться. Свой НП я расположил на высотке в роще против моста в Каменине. Со мной были старшие офицеры связи капитаны Бабенко и Жуховицкий во главе с И.П.Ярцевым, ставшим уже майором. Четко работала радиосвязь.

К этому времени корпус вырвался из окружения, отошел к Каменину и занял для обороны предместные позиции.

Оборона нами была занята в нужное время. Было видно, как десятки танков и цепи гитлеровской пехоты на всем видимом пространстве от Бини и южнее Каменина приближаются к реке.

Огонь пушек "Эрликон", зенитных пулеметов ДШК, а затем станковых пулеметов на дальности от 1200 до 1000 м задержал фашистов и способствовал отходу наших подразделений к мостам. С тревогой пришлось наблюдать, как героически, до последнего снаряда вели бой наши танки, пытаясь к мосту в Каменине, и горели.

Наша сборная команда вела оборонительный бой до исхода дня 24-го февраля. В ночь на 25-е ее сменили части 7-й гвардейской армии.

25-го февраля в бригаду возвратились артиллерийский дивизион, минометный батальон и разведывательная рота. В этот же день был получен приказ о совершении марша в район города Сечень: корпус выводился в резерв фронта.

После марша главные силы корпуса расположились в районе Сечени, а 13-я бригада - в Каранчшаге, в 12-ти км от Сечени на восток. Корпус занимался боевой подготовкой, ждал пополнение, а его не было...

Так закончились боевые действия корпуса, с ним и нашей бригады, в Великой Отечественной войне. Закончились не так, как мы хотели. Хотели закончить боем, а не резервом. Но виноваты ли мы в этом?

К 13-му апреля корпус переместился к северу от Будапешта, а 13-я бригада расположилась в районе пригородных населенных пунктов Алаг и Алагвилла.

А теперь о событиях, отторгнувших меня от родного гвардейского коллектива.

8-го апреля из Москвы на мое место прибыл подполковник Владимир Михайлович Павлов, а я должен был прибыть в Москву для нового назначения. Это было неожиданно и для корпусного руководства, и для командира бригады.

Сдал должность, съездил в штаб БТ и МВ фронта за предписанием, попрощался с однополчанами и 15-го апреля выехал на аэродром. Путь лежал через Будапешт. На центральной площади ординарец Семен Макаров крикнул:

- Надо остановиться, вижу водителя полковника Троценко.

Остановились, подошли к "Студебеккеру", у которого стояли названный выше водитель и офицер. Поздоровались, но вид у них был грустный.

- Куда следуете? - спросил я.

- Батю, полковника Троценко везем хоронить в Одессе.

Пораженный, поднялся в кузов, прижался головой к гробу и со слезами попрощался. Он погиб в бою за Вену 11-го апреля, за четыре дня до окончания Венской операции.

"А, может быть, останься в бригаде, был бы жив", - подумалось мне. - «Да кто это знает?»

Не один раз, бывая после войны в Одессе, я искал могилу Якова Ивановича. В 1986 году, находясь по службе в Николаеве, решил поискать там. И нашел на воинском кладбище. Поклонился, положил цветы...

... А сейчас, в самолете грусть не покидала меня. В мыслях не один раз сравнивал непосредственных начальников по фронту, и лучшим оставался Яков Иванович.

В Москве через несколько дней прояснилось, что меня назначают на должность начальника редакционно-издательского отдела штаба БТиМВ. Я категорически возразил. Принуждать не стали, оформили представление на должность командира танковой бригады в корпус генерала Дремова, дравшийся уже под Берлином. Я возразил, просил вернуть в свой корпус.

- Теперь-то у вас уж нет оснований отказываться. Побывал в отделе административных органов ЦК КПСС, а потом 29-го апреля представили командующему БТиМВ Красной Армии маршалу бронетанковых войск Я.И.Федоренко.

- Ну что же, образование высокое, фронтовой опыт большой, готовый комбриг.

- Товарищ маршал, верните меня в свой корпус. Война кончается, я на новом месте буду чужим человеком.

- В чем дело? - спросил он начальника управления кадров.

Тот все ему доложил.

- Почему предварительно не спросили его согласия, ведь в аппарат предназначаете.

- Подвели меня подчиненные. И, улыбнувшись, маршал сказал:

- Поезжайте в свой корпус.

Вернулся 5-го мая, расположился в 13-й бригаде, где и встретил Победу. К неопишуемой радости у меня примешивалась грусть: остался не у дел.

Полковник Горячев был уже откомандирован, а бригадой командовал, теперь уже полковник, Владимир Федорович Толубко.

С разрешения комкора с 10-го по 13-е мая съездил в Вену, ночевал две ночи у одного одинокого австрийца, музыканта, солиста оркестра оперного театра. Так определила комендатура: меня приятно удивил порядок в гарнизоне, патрулирование, контроль движения армейского автотранспорта.

Успел посмотреть императорский дворец, театр оперы с отвалившимся углом фронтона в результате попадания авиабомбы, университет, самый большой католический собор "Стефаньев-кирх". Побывал в начале парка "Венский лес". Видел взорванные фашистами мосты через Дунай и заменившие их наши понтонные мосты.

Хозяин-австриец подарил мне книгу о Вене, которую храню до сих пор.

Непривычно было видеть, как мужчины от юношей до стариков ходят в трусах из толстых тканей или кожи.

Красива Вена, ничего не скажешь! И, в основном, пощадила ее война.

14-го мая генерал Жданов устроил обед в честь Победы. Меня пригласил полковник Чиж. Много было тостов, поздравлений. И обоснованно: советский народ одержал историческую победу.

А 16-го комкор предложил мне должность командира танкового полка 15-й мехбригады, я согласился: выбора-то нет.

Теперь уже, как я считал, со своей бригадой расстался окончательно. Но служба, как и жизнь, комбинирует по-своему.

Читатель, особенно военный, может представить себе, как я привыкал к полку, имеющему три роты и несколько взводов, после бригады, где в подчинении танковый полк, пять батальонов и дивизионов (от трех до семи рот, батарей в каждом), восемь отдельных рот.

В мае-июне корпус был укомплектован, совершил марш в Румынию, где в июне стал механизированной дивизией, механизированные бригады - мехполками, танковая - танковым полком, а танковые полки мехбригад - отдельными танковыми батальонами из двух рот.

В июле дивизия перешла в Болгарию, в состав 37-й армии, где остановилась окончательно и занялась боевой подготовкой: ведь большинство солдат и экипажей - новички, не участвовавшие в войне.

В октябре мне был предоставлен отпуск. Так через три с половиной года я обнял жену с седой прядью волос (в тридцать-то лет!) и вытянувшихся детей. Работой, донорством, недоеданием жена сохранила нашу "троицу".

По возвращении из отпуска, в ноябре был назначен командиром мехполка во вновь образуемую механизированную дивизию; она создавалась путем преобразования стрелковой дивизии и ее полков соответственно в мехдивизию и в мехполки, с включением дополнительно двух танковых и одного артиллерийского полков.

- Чтоб через год был не стрелковый, а механизированный полк! - требовательно сказал при назначении главнокомандующий Южной группой войск Маршал Советского Союза Ф.И.Толбухин.

Полк через 9 месяцев стал механизированным, что отметил командарм генерал-полковник С.С.Бирюзов на маневрах.

А в апреле 1947-го года дивизия и полк были расформированы. Через полтора года существования, после больших затрат и усилий сотен офицеров! Пусть это будет на совести Генерального штаба.

И теперь я был назначен командиром... 13-го гвардейского механизированного полка, располагавшегося в Бургасе, в том самом военном городке, в котором мы смотрели памятник русским воинам в сентябре 1944 года.

Тепло встретили меня однополчане, которых в полку сохранилось еще много. Начальником штаба был сменивший меня в апреле 1945 года подполковник В.М.Павлов. В штабе продолжали службу майор Ярцев, капитаны Василенко и Бейгельман. Командовал танковым батальоном подполковник П.Ф.Тулов, который вскоре стал моим заместителем.

Два года я не был в полку, а через десяток дней уже казалось, что не уходил из него.

Командование дивизией было новым. Ушли на повышение генерал Жданов, полковники Чиж и Толубко.

Так, спустя два года после войны и два с половиной года после сдачи бригады Горячеву я удостоился назначения командиром того полка, в который преобразована была дорогая мне бригада.